

19. Иллюстров И.И. Указ соч. С. 91.
20. Там же. С.33.
21. Отшельник Мери-Хови. Указ соч. С. 113-114.
22. Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 96.
23. Отшельник Мери-Хови. Указ. соч. С. 114.
24. Иллюстров И.И. Указ соч. С. 96.
25. Даль В.И. Указ. соч.
26. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы; Сказки. М., 198. С. 361.
27. Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 99.
28. Отшельник Мери-Хови. Указ соч. С. 114.
29. Иллюстров И.И. Указ соч. С.91.
30. Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 295.
31. Там же. С. 294.
32. Там же. С. 295.
33. Там же. С. 299.
34. Русская народная сказка «Мужик и медведь. [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://www.kostyor.ru/tales/tale92.html>.
35. Отшельник Мери-Хови. Указ соч. С. 114.
36. Даль В.И. Указ. соч.
37. Коринфский А.А. Указ соч. С. 40.
38. Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 289.

**ПОРЕФОРМЕННОЕ РАЗОРЕНИЕ ПОМЕСТНЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ ДВОРЯНСКОГО ВОСПРИЯТИЯ СУДЬБЫ СОБСТВЕННОЙ
СОСЛОВНОЙ КОРПОРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А.
БУНИНА И С.Н. ТЕРПИГОРЕВА)***

**Д.О. Тимиряев
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается отражение дворянского отношения к процессу упадка дворянства, и в особенности, помещиков в пореформенной России. Время реформ было трудным для дворянства. Представляет интерес попытка проанализировать восприятие писателями - дворянами этих перемен. На страницах их произведений мы сталкиваемся с их оценкой происходящего.

Ключевые слова: пореформенная Россия, дворяне, помещики, Бунин, Терпигорев, «Антоновские яблоки», «Оскудение».

**THE POST-REFORM RUIN THE LOCAL OWNERS IN CONTEXT OF THE
NOBLE PERCEPTION OF THE FATE OF OWN ESTATE CORPORATION
(BASED ON WORKS BY I.A. BUNIN AND S.N. TERPIGOREV)**

**D.O. Timiryayev
Belgorod National Research University**

In this article author makes a careful study of nobles' reaction on Russian nobility, especially landowners, falling into decline after reforms. Reforms meant hard times for nobles. It is interesting to analyze it's perception by writers of that time.

Key words: post-reform Russia, nobles', landowners, Bunin, Terpigorev, «Antonov apples», «Impoverishment».

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6. 2922. 2011 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX века (проблемы социальной адаптации)», выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

Не секрет, что время «Великих реформ» 60-70-х., гг. было очень болезненным для дворянства. Это сословие, лишенное прежних, весьма многочисленных привилегий, теряло свою лидирующую роль. Данный процесс «оскудения» виден на примере всех страт дворянского сословия, помещиков, которые вырождались, и причиной этого упадка было их неумение приспособиться к новой жизни. Как отмечает Сеймур Беккер, современный американский историк, специалист по истории России: «привыкнув полагаться на бесплатный труд крепостных, дворяне-землевладельцы не имели ни малейших шансов на выживание в мире, где им пришлось конкурировать с предприимчивыми выходцами из нижних слоев общества»¹. За исключением, тех дворян - землевладельцев, которые смогли перестроить свои хозяйства на новый лад.

Крайне интересно, изучение личного отношения дворян, помещиков к происходящим процессам в стране. Особенно на уровне отдельно взятого человека, используя, литературные произведения таких писателей как И.А. Бунин и С.Н. Терпигорева. Данные авторы были не просто выходцами из дворянского сословия. Сергей Николаевич Терпигорев был тамбовским помещиком. Иван Алексеевич Бунин вырос в семье обедневших помещиков. Кто как не они могут выражать мысли и думы их сословия. К тому же, изучение их личностного отношения, взгляда на происшедшие перемены, хорошо иллюстрируют выводы социальной психологии, весьма связанной с исторической психологией. Оба эти научные направления, серьезно развивающиеся в последнее время, подводят под наше исследование широкую психологическую базу.

При анализе их взглядов нужно помнить несколько закономерностей, выведенных социальной психологией. Во-первых: людям гораздо легче представить себе причины, по которым они могут быть правы, чем причины, по которым могут ошибаться. К тому же люди гораздо более склонны к поиску информации, подтверждающей их убеждения, чем к поиску сведений, опровергающих их².

Во-вторых, впоследствии легче вспоминается яркая, живая информация³. Данная мысль очень важна, так как в произведениях Терпигорева описанию смешных и даже нелепых случаев посвящено значительное место. В результате, собственные мысли автора теряются на фоне общего гротеска. Ведь броские сообщения могут показаться более информативными, нежели менее эффектная, но более объективная информация. На журналистов, как и на их читателей, более сильное впечатление может произвести живой рассказ, чем бесстрастное исследование.

В-третьих, как писал Дэвид Джордж Майерс, известный современный американский специалист по социальной психологии: «направляемые собственными предубеждениями, чрезмерно уверенные в себе, готовые поверить даже сомнительной информации, если она живо преподносится, видящие взаимосвязь там, где её не может быть в принципе, мы создаем собственные социальные убеждения и влияем на других, чтобы подтвердить их»⁴.

Таким образом, изучение социальных убеждений и суждений позволяет нам понять механизм формирования и сохранения убеждений, которые порой становятся причиной заблуждений. Как отмечал, Майерс: «Подобно тому, как зрительные иллюзии - побочный продукт перцептивных механизмов, помогающих нам систематизировать сенсорную информацию, наши ошибочные суждения - это побочный продукт мыслительных стратегий (эвристики), которые обычно не подводят нас. Но от этого они не перестают быть ошибками - ошибками, которые способны сделать наше восприятие реальности искаженным, а суждения об окружающих - пристрастными»⁵.

К тому же, исследователи должны иметь в виду, что именно социальная ситуация порождает и поддерживает предрассудки, с которыми мы неизбежно сталкиваемся в процессе нашего исследования, несколькими способами⁶. Группа, которая получает выгоду от своего более высокого социального и экономического статуса,

нередко оправдывает их, призывая на помощь соответствующие убеждения. Источником предрассудков может быть и наша социальная идентификация. Последнее очень важно, так как помогает понять, что в условиях потери сословных привилегий, являющихся своеобразными «маркерами» социальной идентичности, нужно максимально отмежеваться от других, тоже теперь равных, пусть хоть и таким путем, но чтобы не раствориться в море «равных подданных».

Рассматривая историографию вопроса нельзя не согласиться с мнением В.А. Шаповалова, автора исследований посвященных дворянскому вопросу пореформенной России: «к числу наименее исследованных сословий относится дворянство, несмотря на его доминирующую роль во всесословной структуре российского общества. Традиционно на протяжении последних семидесяти лет приоритет отдавался изучению пролетариата и крестьянства»⁷. Данная мысль весьма закономерна. По нашему мнению, для дореволюционных историков, различных направлений, тема дворян была «животрепещуща», близка, соответственно, крайне субъективно. Советские историки также субъективно подходили к делу, но уже из-за марксистской парадигмы. Лишь только сейчас, с приходом плюрализма в научную практику, тема дворянства, крепостного права получили широкое освещение, особенно на региональном уровне.

Как уже отмечалось выше, Иван Алексеевич Бунин (1870-1953) родился в старинной дворянской семье обнищавших помещиков в Воронеже, где прожил первые три года своей жизни⁸. В дальнейшем семья переехала в имение Озёрки, той же Воронежской губернии⁹. В дальнейшем, как пишет Бабореко, автор биографии писателя: «До 11 лет воспитывался дома, в 1881 г. поступает в Елецкую уездную гимназию, в 1885 г. возвращается домой и продолжает образование под руководством старшего брата Юлия»¹⁰. Таким образом, детство писателя прошло на фоне уже бесповоротного упадка, «оскудения» помещиков. Будущий писатель своими глазами видел пореформенное состояние дел в деревне, в имениях. На его глазах нищала семья, поэтому в его произведениях посвященных данным годам, и особенно в «Антоновских яблоках (1900)» сквозит неприкрытая грусть, тоска, даже ностальгия: «Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, - очень недавно, - имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию»¹¹.

Как не почувствовать размаха упадка в следующем фрагменте: «За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков - охота. Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость. Были и разрушающиеся, но все еще жившие на широкую ногу усадьбы с огромным помещьем, с садом в двадцать десятин. Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет жизни... Нет троек, нет верховых «киргизов», нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого обладателя всего этого – помещика – охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча»¹².

В конце концов, следующая мысль автора явно констатирует современное Бунину положение дел у помещиков: «Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства!...»¹³.

Итак, мы наблюдаем, скорее, меланхолически – ностальгирующее отношение. Автор прекрасно понимает, что процесс уже не обратим. Остается довольствоваться тем, что есть, что он и делает: «хороша и мелкопоместная жизнь!»¹⁴.

Совсем другое отношение мы встречаем у более старшего современника Бунина С.Н. Терпигорева, писавшего под псевдонимом С. Атава. Как пишет А.П. Могиланский, историк русской классической литературы: «Сергей Николаевич Терпигорев (1841-1895) родился в имении своего отца в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской губернии. Будущий писатель получил домашнее образование»¹⁵. Жизнь близких и дальних родственников Терпигорева впоследствии послужила писателю богатым материалом для художественных произведений. Терпигорев - писатель

преимущественно одной темы. Его интересуют, прежде всего, исторические судьбы русского помещного дворянства, его быт и нравы.

«Оскудение» (1880) почти целиком посвящено пореформенной эпохе, 60-м и 70-м годам. По мнению исследователей: «Произведение основано преимущественно на материалах семейной хроники автора, его близких и дальних родичей и соседей – помещиков. Этот локальный момент в жизненных наблюдениях автора им неоднократно подчеркивался (например, подзаголовок «Оскудения» первоначально был следующий: «Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика»). Терпигорев задался целью доказать, что реформа 1861 г. в первую очередь разорила не крестьянство («оскудение» которого писатель также не отрицал и собирался о нем писать), а помещное дворянство»¹⁶. Теме массового, почти поголовного разорения («оскудения») русского дворянства и посвящены очерки и рассказы Терпигорева, объединенные этим общим заглавием.

Могиланский отмечал: «Сильной стороной «Оскудения» является его критическая часть, разоблачение ничтожества, морального разложения и культурной деградации помещного дворянства»¹⁷. Читая «Оскудение», мы полностью соглашаемся с Могиланским. Автор с гневом, и по его собственному признанию, с болью, пишет об упадке, создавая картину поистине непроглядного мрака. Автор часто доводит ситуацию до гротеска, активно использует нелепые случаи, показывая, в первую очередь, через них картину деградации помещиков, дворян. Атава даже называет причины приведшие, по его мнению, к оскудению: «Я убежден, что скажу безусловную истину, утверждая, что помещики разорились и продолжают разоряться потому только, что никогда не делали того, что им следовало и следует делать. Мужики пахут, купцы торгуют, духовные молятся, а что делали помещики? Они занимались и развлекались всем, чем угодно – службой, охотой, литературой, амурами, но только не тем, чем им следовало заниматься.

У тебя есть земля, сиди на ней сам и детей приучай сидеть на ней»¹⁸. Писатель, во многом, конечно, прав. Действительно, многие из помещиков совсем не занимались сельским хозяйством. Но мечтать о том, что бы все его собратья по сословию занимались и успешно своими поместьями – чистой воды утопия.

Тем не менее, Терпигорев описывает закономерный результат такого положения дел: «Но этого не случилось, и Ивановки, Петровки и Осинówki, оставленные без присмотра, одна за другой начали «улыбаться» и переходит во владение к кулакам, к немцам, жидам, одним словом, куда и к кому угодно, но только не к помещикам»¹⁹.

При этом Сергей Николаевич справедливо негодует на ограниченность экономических взглядов помещиков, на то что они не замечали, и не хотели замечать реалия жизни: «... я решительно не помню, чтобы слышал хоть какие-нибудь соображения на счет того хозяйства, которое должно сменить настоящее. Я говорю вообще, про массу, и это не опровергается редкими – редкими исключениями, которые тогда встречались, конечно, еще реже, чем теперь, и не вызывали ничего, кроме насмешки, как над дураками, над теми, которые заводили машины, новые сорта хлеба и трав, и презрения к тем, кто к хозяйству примешивали соображения и приемы купца, т.е. кто скупал, например, телят, свиней, птицу, выкармливал их и продавал, кто заводил у себя мукомолки, маслобойни и пр. Все это считалось делом не дворянским, купеческим. Дворянское дело было: приказать вспахать, посеять, сжать, обмолотить и зерно продать»²⁰.

Но, при всей своей беспощадной критике представителей родного сословия, автор доказывает, что приходящий, капиталистический порядок будет намного хуже: «...на смену одного безобразия являлось другое и Бог весть еще, которое из них хуже и ядовитое. Помещик, лишенный крепостного права, на самый худой конец, был только бесполезный человек. «Купца», в том смысле, какой он постарался приписать себе, «занявшись» Осинówкой или Ивановкой, мало назвать бесполезным»²¹.

Данную сентенцию развивал дореволюционный историк Н.П. Семенов в своем труде «Наше дворянство»: «С исчезновением дворянства, на смену его явились бы в уездах представители капитала, к которым, с освобождения крестьян, переходят постепенно дворянские земли. Но эти люди, не имея никакой связи с прошлым, чуждые словесным традициям дворянства и не объединенные в одно земледельческое сословие, могут ли заменить поместное потомственное дворянство в его культурном, первенствующем значении? Для них нет высоких идеалов. Эти люди прикованы ко всем материальным интересам жизни»²². При этом делается прелюбопытнейший вывод: «Удержание дворянства на его исторической ступени и возвращение ему прежнего значения, как культурного земледельческого сословия, должны быть отнесены к разряду важнейших задач правительства»²³. И это в 1899 г.!

На что его современник Г.А. Евреинов в работе «Прошлое и настоящее значение русского дворянства» отвечал: «Вообще, при настоящих государственных и общественных порядках нельзя придумать для дворян никакой привилегии, личной или корпоративной, которая не была бы в действительности ограничением прав лиц других состояний, причем, сами дворяне от этих ограничений ничего не выиграют.

Во всяком случае, не в развалинах видимо разрушающегося прежнего сословного строя, следует искать путей, на которых – при изменившихся общественных отношениях – поместному дворянству могут быть предоставлены более широкие способы полезного служения государству»²⁴.

По нашему мнению, эти взгляды свидетельствуют о разном понимании исторического значения упадка дворянского сословия, и о путях адаптации дворян к новым временам. Часть дворян, как Семенов, апеллируют к государству, чтобы оно решило эту проблему. Терпигорев же по-своему отвечает на этот вопрос: «Мы изуродовали себя своим образованием и воспитанием, и, повторяю, такой силы нет, которая могла бы нас поднять на ноги и спасти. Кроме нас самих, нас никто не спасет и спасти не может». Достаточно честно на наш взгляд. При этом автор желчно пишет о «новых хозяевах жизни» в деревне: «Но, кроме Подъугольниковых и Луповых, город дал деревне, для формирования нового помещичьего сословия, кандидатов и другого образца. Так почти все бывшие секретари уголовной и гражданской палаты, губернские прокуроры, ...даже штатные смотрители уездных училищ ... и те купили себе, каждый по достатку своему, по «именьицу»²⁵.

Тем не менее, автор продолжает описывать «ужасы» замены старых помещиков на «новых»: «Нельзя же в самом деле принять вырубку леса, распашку выгонов, заведение кабаков и свиной бойни, чем ознаменовал себя Подъугольников, и обширную, удивительно разработанную систему штрафов, введенную Сладкопевцевым, за сельскохозяйственную деятельность»²⁶.

Атава с иронией пишет о тех помещиках, которые попытались, было бы вести хозяйство по примеру новых: «Блестящие успехи, которых достигли в «сельском хозяйстве» «новые помещики», само собою, разумеется, не могли не найтись и охотников попробовать свои силы на этом новом для них поприще. Как ни проста и ни мало сложна вновь вводимая система «сельского хозяйства», но и она им оказалась не по плечу»²⁷.

Таким образом, на примере произведений Бунина и, в особенности, Терпигорева может сложиться впечатление о полном «оскудении» дворянского сословия в пореформенной России. На самом деле ситуация была несколько иной. Как отмечал А.П. Корелин, известный советский историк сер. XX в.: «Помещичья имения являли собой неоднородную массу. Были среди них и передовые хозяйства, правда, сравнительно немногочисленные, почти полностью перешедшие к капиталистическим способам хозяйствования. Часть помещиков все шире вовлекались в торгово-промышленное предпринимательство, как прямо связанное с сельским хозяйством, так и в не его»²⁸. При этом число мелких помещиков постоянно возрастало, а средних и крупных – уменьшалось. Согласно Б.Н. Миронову: «В 1861-1895 гг. увеличение

числа помещиков отставало от естественного прироста, а после 1905 г. обнаружилось уменьшение их численности, что свидетельствует о перемещении дворян – землевладельцев в другие социальные и профессиональные группы»²⁹.

В итоге, необходимо отметить, что выбранные нами литературные произведения, в более или менее, но все-таки, в полной мере отражают процесс упадка дворян, в особенности, помещиков. Приведенные в нашем исследовании отрывки прекрасно иллюстрируют отношение их авторов к «оскудению» «благородного сословия». От «битья в набат» у Терпигорева, до печальной констатации факта у Бунина. От призыва что – то изменить в «Оскудении», до свыкания с новым положением дел в «Антоновских яблоках». Таким образом, при всей своей субъективности, неоднозначности, гипертрофированности позиции писателей показывают отношение дворянских масс к утрате своего положения. Разность восприятия обусловлена, в первую очередь, как временем, так и неоднородностью процесса упадка. При этом нужно не забывать, что дворяне являлись опорой монархии, а дворяне-чиновники являлись стержнем административно-управленческого аппарата всех уровней. Произошло лишь снижение хозяйственного значения дворянства, при сохранении политических привилегий, культурного превосходства, что отразилось в восприятии последствий реформ 60-70-х гг. XIX в.

Примечания:

1. Беккер С. Миф о русском дворянстве. М., 2004. С. 11.
2. Майерс Д. Социальная психология // Сайт «Электронная библиотека Гумер» [Эл. ресурс]: Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Psihol/Mayers/index.php>
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период автореферат кандидатской диссертации // Сайт «Электронная библиотека диссертаций и авторефератов из РГБ» [Эл. ресурс]: Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/schapovalov.html>
8. Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1967. С. 3.
9. Там же.
10. Там же.
11. Бунин И.А. Сборник рассказов. М., 1970, С. 23.
12. Там же. С. 24.
13. Там же. С. 27.
14. Там же.
15. Могиланский А.П. Терпигорев // История русской литературы. В 9 тт. Т.2. М.-Л., 1956. С. 262.
16. Там же. С. 264.
17. Там же.
18. Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика // Отечественные записки. 1880. №1. С. 228.
19. Там же. С. 229.
20. Там же. С. 235.
21. Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика // Отечественные записки. 1880. №3. С. 213.
22. Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб., 1899. С. 17.
23. Там же. С. 20.
24. Евреинов Г.А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. С. 103.
25. Терпигорев С.Н. Указ. соч. // Отечественные записки. 1880. №3. С. 215.
26. Там же. С. 217.
27. Там же. С. 224.
28. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. М., 1979. С. 75.

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН-КУПЧИХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В
КОН. XIX – НАЧ. XX В.: РЕДКОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ ЭЛЕМЕНТ
«РУТИНИЗИРОВАННОЙ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ?***

Н.Н. Иванова, Е.Н. Меньшикова
**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье на основе анализа материалов Государственных архивов Белгородской и Курской областей характеризуются направления и формы предпринимательской деятельности женщин-купчих Курской губернии в кон. XIX - нач. XX в. Для большей части женщин данного сословия занятие торговлей и промышленным производством не было чем-то необычным и входило в повседневную деятельность. Популярностью среди купчих пользовались торговля в продуктовых лавках и магазинах, а также содержание предприятий лёгкой и пищевой промышленности.

Ключевые слова: женщины купеческого сословия, купеческое предпринимательство, купеческая повседневность, лавка, промышленное предприятие.

**ENTREPRENEURSHIP OF WOMEN OF MERCHANT ESTATE IN THE KURSK
PROVINCE IN THE LATE XIX - EARLY XX C.:
A RARITY OR A «ROUTINIZED» DAILY LIFE'S ELEMENT?**

N.N. Ivanova, E.N. Menshikova
Belgorod State National Research University

In article on the basis of analysis of documents of State archives of the Belgorod and Kursk regions are characterized by directions and forms of business activity of women-the wives of the Kursk province in the end of XIX - beginning of XX century. For the most part of women of this class of activity of the trade and industrial production was not something unusual and included in the daily activities. Popular among the merchants used the trade in grocery stores and shops, as well as the content of the enterprises of light and food industry.

Key words: women merchants, merchant entrepreneurship, the merchant everyday life, local, industrial enterprise.

Повседневная жизнь женщин купеческого сословия Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в. сочетала традиционные черты и новые веяния. Жизненный уклад купечества сохранял многие патриархальные устои, но в то же время для представительниц купеческого сословия существовала альтернатива проявить себя не только в роли хранительницы домашнего очага, но и в роли деловой женщины. В уездах Курской губернии особую активность среди женщин купеческого сословия в сфере предпринимательской деятельности проявляли вдовы. Занимаясь торговлей и организуя промышленное производство, они, как правило, продолжали дела своих мужей. Предпосылкой этому служила осведомлённость жены обо всех делах мужа, что было типичным в купеческой среде. Более того, сохранение и упрочение семейного капитала рассматривалось как основная задача всех членов семьи. Деловая активность купчих в основе своей представляла деятельность по обеспечению своих детей, так как семья была одной из главных ценностей русского купечества. В исследуемый период в купеческих семьях было принято иметь много детей, и в задачи купчихи входило не только прокормить, но и дать им образование¹. Во многом, занятие пред-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых-кандидатов наук, проект № МК-843.2012.6.